

На глазах у всех присутствующих Цзин Юаньци принялся совершенно невозмутимо дразнить Ши Цина.

Стоит признать, природа наделила юношу недюжинным талантом. Обычному человеку трудно справиться с двумя делами одновременно, но он с легкостью преуспевал в трех.

Проявлялось это весьма специфично: на лице его сияло выражение полнейшей невинности, голос лучился искренней заботой, в то время как обе руки были заняты собственными, далеко не безобидными делами.

Его вольности начали переходить все границы.

Цзин Юаньци ожидал, что угрюмый Киноимператор либо оттолкнет его, либо попытается незаметно высвободиться из захвата. Однако Ши Цин, несмотря на сковавшее тело напряжение, не сопротивлялся, позволяя наглецу продолжать его маленькую игру.

Почувствовав безнаказанность, юноша окончательно распоясался. Исторический халат — это не современный костюм, его так просто не распахнешь. Но он и не собирался ничего открывать. Вместо этого его рука скользнула вдоль длинного белого пояса, медленно спускаясь ниже.

Едва ощутимым, но полным недвусмысленных намеков движением он очертил круг.

— М-м...

Ши Цин, стоявший перед ним, слегка качнул бедрами, и из его груди вырвался короткий, прерывистый вздох.

Цзин Юаньци отчетливо видел, как на бледных щеках партнера медленно расцветает нежный румянец.

Гао Чжи обеспоенно подался вперед:

— Ши-гэ?

Киноимператор мгновенно стер с лица лишние эмоции. С того ракурса, где замер его собеседник, было видно, как в темных, бездонных глазах промелькнула искра. Губы цвета лепестков ликориса дрогнули, и он произнес низким, твердым голосом:

— Все в порядке.

Цзин Юаньци едва заметно прищурился. На его лице снова заиграла беззаботная улыбка — он умел вовремя отступить. Медленно разжав пальцы, он как ни в чем не бывало отошел от Ши Цина.

— Время уже позднее. Я загляну в уборную. Учитель Ши, не желаете составить компанию?

Ши Цин не удостоил его ответом. Он лишь молча опустил голову, продолжая изучать сценарий.

Гао Чжи поспешил сгладить неловкость:

— Прошу прощения, господин Цзин. С Ши-гэ всегда так после съемок: он слишком глубоко погружается в образ.

— Ничего страшного.

Юноша улыбнулся своей самой открытой и солнечной улыбкой:

— Со мной тоже такое случается. Я прекрасно его понимаю.

Гао Чжи дождался, пока легкая, пружинистая походка коллеги скроется вдаль, и только тогда вернулся к Ши Цину. Протягивая ему бутылку воды, он вполголоса пробормотал:

— Ши-гэ, а господин Цзин, кажется, вполне приятный человек. Вы так холодно его осадили, а он и слова не сказал. Неужели он решил забыть про старые обиды?

Помолчав, помощник с долей недоумения добавил:

— Только вот улыбается он как-то слишком уж лучезарно. Выглядит таким окрыленным... Кто не знает, подумал бы, что вы с ним лучшие друзья.

Ши Цин промолчал. Он взял бутылку и в несколько жадных глотков осушил её почти наполовину.

«До чего же он провокатор. У меня от его заигрываний уже все тело горит»

Поскольку Система видела всё происходящее, но в силу отсутствия запретных сцен не была заблокирована, она подала голос:

«Хозяин, вы уверены, что он просто не пользуется вашим положением?»

«Вовсе нет, — Ши Цин ответил с предельной серьезностью. — Когда тебя так искусно соблазняют, это называется не "пользоваться положением", а "искусство флирта"»

Система засомневалась:

«Но ведь уровень его отторжения ни капли не снизился!»

Она наблюдала за этим пылким взаимодействием, а цифры в меню упорно стояли на месте.

«Это неважно».

Ши Цин сделал еще один глоток, пытаясь унять внутренний жар, и бросил взгляд в ту сторону, где исчез Цзин Юаньци.

«Скоро они рухнут вниз».

Во время вечерних съемок Цзин Юаньци вел себя безупречно — возможно, из-за того, что за ними следило множество камер под разными углами. Его руки оставались на месте, и никаких вольностей он себе не позволял.

Оба актера отработали профессионально, и сцена прошла без происшествий.

Когда работа завершилась, Ши Цин не пошел в свою личную гримерку. Вместе со всеми он направился в общую комнату отдыха и сел в ожидании, пока гримеры помогут ему снять образ.

Вечерних сцен было немного, поэтому в просторном зале осталось лишь несколько человек. Цзин Юаньци тоже был здесь, но его грим оказался менее сложным. К тому моменту, когда Киноимператор уже сменил костюм на обычную одежду, юноша все еще сидел в кресле. Он наблюдал, как Ши Цин, сохраняя свое привычное мрачное выражение лица, поднялся и направился в его сторону.

Место Ши Цина было у самого выхода, а Цзин Юаньци сидел в глубине зала, откуда другого пути не было. Раз Ши Цин идет сюда, значит, он идет именно к нему.

Уголки губ юноши дрогнули в предвкушении улыбки. В его глазах-полумесяцах заплясали искорки. Он уже собирался окликнуть подошедшего мужчину, но тот прошел мимо, даже не удостоив его взглядом.

А затем прозвучал холодный, чистый голос Киноимператора. Он звал кого-то по имени, но это было не имя Цзин Юаньци.

— Цуй Юньцин.

Улыбка мгновенно сползла с лица Цзин Юаньци. На мгновение в его глазах вспыхнуло недовольство, но он быстро взял себя в руки и обернулся, словно ему было просто любопытно, что происходит.

Ши Цин стоял перед юношей лет семнадцати. Заметив, как тот вздрогнул и съежился под его взглядом, Киноимператор бесстрастно произнес:

— Сегодня вечером придешь ко мне в номер. Будем репетировать.

— Репетировать?

Лицо мальчишки побледнело от страха. Он был всего лишь актером второго плана с крошечной ролью. С момента начала съемок он едва ли отработал десять сцен. Цуй Юньцину едва исполнилось восемнадцать — для Ши Цина он был совсем ребенком.

Зачем такому именитому артисту понадобилась репетиция именно с ним?

Вспомнив слухи о том, что Киноимператор терпеть не может новичков и постоянно строит им козни, парень испугался еще сильнее. Глубокая ночь, он один в логове Ши Цина... Если что-то случится, даже на помощь позвать будет некому.

Вспоминая всё, что преподаватели в институте рассказывали о темных сторонах шоу-бизнеса, Цуй Юньцин просто не нашел в себе смелости согласиться. Он робко взглянул на ледяное лицо собеседника и пролепетал:

— Учитель Ши, может быть, завтра днем? Я... я сегодня очень устал.

— Исключено.

Голос Ши Цина был сух и резок:

— Ты должен прийти именно сегодня.

Со стороны это выглядело так, будто влиятельный господин силой принуждает невинную жертву к покорности. По крайней мере, именно так это истолковал Цзин Юаньци.

Сегодня он уже почувствовал вкус победы над этим человеком. Ему льстило ощущение, что он единственный, кто может держать в руках холодного Киноимператора. Он был уверен в своей исключительности.

И тут он получил звонкую пощечину по своему самолюбию.

Ши Цин, который всегда держался особняком, внезапно проявляет инициативу и приглашает какого-то мальчишку ночью в свой номер. Сама мысль об этом заставила Цзин Юаньци почувствовать укол жгучего раздражения.

Это было похоже на то, как если бы он приметил редкий и красивый моллюск, считая его своей добычей, и уже собирался медленно и со вкусом его поглотить... как вдруг моллюск сам отращивает ноги и уползает в чужую нору.

Разумеется, это не могло ему понравиться.

Цзин Юаньци никогда не подавлял свои порывы. Он поднялся и, уверенно чеканя шаг своими длинными ногами, подошел к разговаривающим.

— Учитель Ши, Юньцин еще совсем ребенок, ему нужно высыпаться. Раз он не хочет идти, не стоит его принуждать.

С этими словами юноша по-хозяйски положил руку на плечо Ши Цину, словно они были закадычными друзьями.

— Завтра у нас тоже есть общие сцены. Как насчет того, чтобы я составил вам компанию в репетиции?

— Нет необходимости.

Киноимператор едва заметно нахмурился. Казалось, от этого прикосновения все линии его лица стали еще жестче.

— Ты прекрасно справляешься со своей ролью. Тебе не нужны дополнительные репетиции со мной.

— А мне кажется, что мне еще есть куда расти, — Цзин Юаньци умел проявлять настойчивость, когда это касалось его интересов. — Вы — признанный мастер, и репетиция с вами была бы для меня честью. Давайте так: сегодня вечером я приду к вам, и мы детально прогоним завтрашнюю сцену.

Произнося слово «сцена», он, чья рука всё еще лежала на плече партнера, начал бесстыдно

водить пальцами по его спине. Его длинные пальцы легко дотягивались до лопаток, дразняще касаясь Ши Цина сквозь тонкую ткань.

Ши Цин словно прошибло током. Он вздрогнул всем телом и резким движением сбросил руку наглеца.

Жизнерадостная маска на лице Цзин Юаньци на мгновение дала трещину, и его взгляд стал холодным и тяжелым. Лишь спустя секунду он заставил себя выдавить привычную улыбку:

— На съемочной площадке учитель Ши позволял мне поддерживать его, а теперь, при Юньцине, даже не дает коснуться своей спины?

Он перевел взгляд на Цуй Юньцина, который застыл от ужаса, и многозначительно добавил:

— Похоже, учитель Ши действительно дорожит мнением Юньцина, раз так печется о своем имидже в его присутствии.

Мальчик не видел, что именно вытворяли руки Цзин Юаньци, и решил, что тот просто пытается его защитить. Видя, что обстановка накаляется, он поспешил вмешаться, нервно улыбаясь:

— Простите меня, учитель Ши! Я правда очень вымотан сегодня. Боюсь, я просто не смогу быть вам полезен.

Видя такую настойчивость, Киноимператор не стал упорствовать.

— Хорошо.

Ши Цин коротко бросил это слово и, развернувшись, вышел из комнаты. Даже его спина в этот момент казалась воплощением угрюмости.

— Брат Цзин.

Когда Ши Цин ушел, Цуй Юньцин с облегчением выдохнул и бросился к Цзин Юаньци со словами благодарности:

— Спасибо тебе огромное! Ты меня просто спас.

Цзин Юаньци проводил взглядом спину Киноимператора и обернулся к мальчику. Разглядывая хорошенькое, испуганное лицо парня, похожего на затравленного кролика, он почувствовал, как внутри него закипает злость.

Даже ему Ши Цин отвечал коротким «хм», а этому мальчишке удостоил целого «хорошо». Неужели ему нравятся такие? Слабые и беспомощные?

Скрыв за маской дружелюбия холодное презрение, Цзин Юаньци мягко улыбнулся:

— Пустяки. Но я раньше не слышал, чтобы вы с учителем Ши были знакомы. С чего бы ему вдруг предлагать репетицию?

— Вот и я в недоумении, — Цуй Юньцин оказался на редкость простодушным малым. Стоило его спросить, как он выложил всё как на духу. — Когда были прослушивания, я ведь уже прошел, но меня чуть не выкинули из проекта. Мой наставник навел справки и узнал, что это дело рук учителя Ши. Так что я уверен: его приглашение не сулило мне ничего хорошего.

— Он пытался помешать тебе попасть в проект?

Голос Цзин Юаньци внезапно стал таким ледяным, что парень невольно вздрогнул.

— Д-да... Брат Цзин, что-то не так?

— Ничего.

Юноша снова улыбнулся, но внутри него бушевал шторм. А он-то, наивный, полагал, что Ши Цин выделяет только его. Оказывается, этот мальчишка тоже удостоился его «особенного» внимания.

Юноша с трудом подавил растущее раздражение. Его голос прозвучал резковато:

— Он тоже присылал тебе перец?

— Перец? — Цуй Юньцин непонимающе заморгал. — Нет. При чем тут перец?

Мальчишке показалось, что после его ответа аура вокруг собеседника мгновенно потеплела. Угрюмый холод исчез, и перед ним снова стоял тот самый солнечный и приветливый старший коллега.

Цзин Юаньци, осознав, что Цуй Юньцину всё же далеко до его статуса «исключительности», вернул себе облик лукавого лиса:

— Забудь. Так ты говоришь, он пытался сорвать твои съемки? Что было дальше?

— А потом мой наставник снова использовал связи, чтобы меня оставили. Помощница

режиссёра шепнула мне по секрету, что учитель Ши всегда так поступает — это далеко не первый случай, когда он пытается лишить новичков шанса. Она наказала мне держаться от него подальше.

Простак выложил всё до конца, и в его глазах всё еще читался страх. Он смотрел на Цзин Юаньци как на спасителя.

— Брат Цзин, как мне быть? Вдруг учитель Ши снова позовет меня? Что мне ему отвечать?

Тот бросил еще пару утешительных фраз. Убедившись, что больше никакой ценной информации о Ши Цине от этого парня не получить, он «внезапно» вспомнил, что еще не закончил со своим гримом, и, попрощавшись, вернулся в кресло.

Однако в его голове роились вопросы. Ши Цин — Киноимператор с прочным положением и серьезными связями. Ни он, ни этот мальчишка не могли представлять угрозы для его карьеры. Зачем же ему пытаться выжить их из проекта?

Если такие слухи подтвердятся, репутация Ши Цина рухнет в одночасье. Он не похож на глупца, так зачем же совершать подобные ошибки?

Раньше Цзин Юаньци решил бы, что Ши Цин просто мелочен и завистлив. Но теперь он был твердо уверен: Киноимператор не такой человек.

Тот, кто с такой трогательной нелепостью может подарить свой любимый острый соус другому, просто не способен на подлую зависть.

Так в чем же тогда истинная причина? Юноша поймал себя на мысли, что Ши Цин интересуется его всё больше и больше.

«Полюбуйся, какая у него черная душа. Судя по воспоминаниям, он этим методом загубил карьеру как минимум двадцати новичкам»

«Этому Цуй Юньцину еще повезло, что у него есть влиятельный наставник, который смог вернуть ему роль»

Система пребывала в недоумении:

«Раз он так ненавидит хозяина, зачем вы сами к нему навязываетесь?»

«Потому что он — такой же, как Цзин Юаньци, — Ши Цин с комфортом расположился на диване, смакуя бокал красного вина. Несмотря на то, что съемочная группа обеспечила всех отдельными номерами, он за свой счет снял роскошный люкс, и диван здесь был на редкость удобным. — Цзин Юаньци тоже был его мишенью, и точно так же, вопреки всем козням, оказался в проекте. Когда хочешь проучить обезьяну, нужно забить курицу на её глазах. Но ведь можно и приласкать курицу так, чтобы обезьяна извелась от ревности»

Ши Цин отхлебнул вина и открыл в телефоне групповой чат съемочной группы, где мелькали фотографии с сегодняшнего банкета.

«Помнишь, в оригинальном сюжете Цуй Юньцин на пике своей славы, в двадцать лет, был уничтожен скандалом с непристойными снимками?»

Он постучал пальцем по экрану, указывая на одно из лиц на фото:

«Это дело рук того самого помощника режиссёра. Он напился и вломился в номер к мальчишке. Цуй Юньцин тогда был совсем ребенком и не смог сопротивляться взрослому мужчине. Его опоили, надругались, а снимки сделали именно тогда»

Система разразилась гневной тирадой:

«Этот режиссёр — настоящий мерзавец! Хозяин, вы ведь поможете Цуй Юньцину?»

«Помогу. Разумеется, помогу, — Ши Цин лениво потянулся, утопая в мягких подушках. — Следи за обстановкой. Когда они вернутся — дай мне знать»

Глубокой ночью те, кто уходил праздновать, начали возвращаться в отель. Система тут же подала сигнал. Ши Цин поднялся, но у самого выхода внезапно замер.

Система не поняла маневра:

«Хозяин, вы передумали?»

«Погоди минуту».

Ши Цин проверил настройки в телефоне. Убедившись, что функция передачи геопозиции включена, он убрал аппарат в карман и вышел из номера.

В номере через один от него на ноутбуке Цзин Юаньци замигала красная точка, сопровождая свое появление резким звуковым сигналом. Юноша, только что вышедший из душа и вытирающий волосы полотенцем, усмехнулся. Дождавшись, пока точка переместится в крайнее правое положение и начнет движение вниз, он закрыл крышку ноутбука и вышел в

коридор.

У лифтов он увидел, что кабина опускается на восемнадцатый этаж. Рука с полотенцем замерла, а лицо юноши потемнело от недовольства.

Восемнадцатый этаж. Этаж, где жил Цуй Юньцин.

Юноша был в ярости. Похоже, «моллюск» действительно уполз в чужую нору.

Цзин Юаньци, не колеблясь, нажал кнопку вызова лифта. Раз Ши Цин решил сбежать, он его просто вернет. В конце концов, неужели этот наивный мальчишка сможет составить ему конкуренцию?

Выйдя из лифта, Ши Цин не спешил. Он оглянулся на табло, и когда увидел, что соседняя кабина остановилась на тридцатом этаже, довольно прищурился и двинулся дальше.

«Заглотил наживку».

Он напрямик направился к номеру 1805 и постучал. Цуй Юньцин, который в этот момент увлеченно резался в приставку, открыл дверь без тени подозрения. Увидев на пороге Киноимператора, он буквально лишился дара речи:

— У-учитель Ши...

— Хм.

Ши Цин сохранял на лице ледяное безразличие, но вошел внутрь так уверенно, словно его только что пригласили. Мальчик пришел в себя лишь тогда, когда гость по-хозяйски устроился на маленьком диване и выложил на стол сценарий.

Человек, который его ненавидел, явился к нему в номер посреди ночи!

Мальчишка вспомнил, как лгал, что смертельно устал и ложится спать, а затем перевел взгляд на свой телефон, из которого всё еще доносилось бодрое: «Держимся, мы победим!». Цуй Юньцин в панике заблокировал экран.

— Тот... Учитель Ши, я правда уже поспал немного! Просто проснулся, понял, что сна ни в одном глазу, вот и решил...

— Хм.

Ши Цин неспешно перевернул страницу сценария:

— Раз сна ни в одном глазу — будем репетировать.

Только тогда Цуй Юньцин осмелился сесть рядом, дрожа от страха. Не успел он выдать из себя ни слова, чтобы разрядить эту невыносимую атмосферу, как со стороны двери раздался странный звук. Это не был стук — скорее скрежет открываемого замка.

Парень в полном недоумении вскочил, чтобы посмотреть, что происходит. Ручка повернулась, и в номер вошел Цзин Юаньци.

Увидев застывшего мальчишку, юноша солнечно улыбнулся и непринужденно помахал рукой:

— Сяо Цуй, зашел тебя поведать. Как спится?

Цуй Юньцин только и смог вымолвить:

— Вполне... нормально.

— Э-э, брат Цзин, а что это у тебя в руках?..

— А, ты про это? — Цзин Юаньци совершенно спокойно убрал кусок стальной проволоки в карман. — Пустяки. Просто побоялся, что стуком тебя разбужу, вот и решил войти сам.

Цуй Юньцин: «...»

Цзин Юаньци, не обращая на него больше внимания, проследовал мимо хозяина номера и уселся на диван прямо рядом с Ши Цином.

— О, и учитель Ши здесь? Репетируете? Какое совпадение, я как раз вовремя. Может, прогоним сцену втроем?

Ши Цин нахмурился:

— Ты принес сценарий?

— Разумеется.

Посетитель выудил из кармана изрядно помятый и сложенный в несколько раз лист и бросил его на стол.

— Ну что, начнем?

Киноимператор поджал губы, на его бледном лице отразилось непонимание мотивов юноши, но он промолчал. Ши Цин перевел взгляд на Цуй Юньцина и произнес своим кристально чистым, холодным голосом:

— Читай реплики.

Тут Цзин Юаньци словно только что заметил, что хозяин комнаты всё еще стоит. Он с улыбкой поманил его рукой:

— Сяо Цуй, что ты там застыл? Садись скорее, не стесняйся. Чувствуй себя как дома!

Цуй Юньцин: «...»

Он в полнейшем замешательстве подошел к дивану, но обнаружил, что тот слишком мал, и места для него просто не осталось. Цзин Юаньци и не думал тесниться, напротив, он с готовностью предложил решение:

— Ой, места маловато. Знаешь что, Сяо Цуй, мы тут с учителем Ши порепетируем, а ты иди, занимайся своими делами.

Цуй Юньцин окончательно потерял нить реальности. Двое его старших коллег приперлись к нему ночью репетировать и предлагают ему... постоять в сторонке и не мешать? В институте такому точно не учили.

В итоге ситуацию разрешил Ши Цин. Он поднялся с дивана:

— Идем на кровать. Там места больше.

Цзин Юаньци тут же вскочил следом за ним. Его губы тронула многозначительная усмешка:

— Учитель Ши прав. На кровати просторно, можно развернуться как следует.

Сама по себе фраза была невинной, но из-за его интонации она прозвучала как откровенный флирт. Юноша последовал за Ши Цинем в спальную зону, на ходу махнув рукой Цуй Юньцину — мол, оставайся там.

Планировка номера была стандартной: небольшая гостиная отделялась от спальни перегородкой, так что из общей зоны не было видно, что происходит на кровати. Ши Цин и Цзин Юаньци скрылись за поворотом, и спустя секунду Цуй Юньцин услышал глухой звук, словно кто-то тяжело повалился на матрас.

Парень окончательно растерялся и решил послушно замереть на месте, не решаясь войти в спальню.

А внутри Цзин Юаньци уже навис над Ши Цинем, упершись руками по обе стороны от его головы и заключив его в плен на мягкой постели. В этом крошечном пространстве, где их лица разделяли считанные сантиметры, мгновенно сгустилась атмосфера обжигающей близости.

— Учитель Ши...

Он склонился еще ниже, так что их дыхание слилось в одно. Он понизил голос до вкрадчивого шепота, растягивая слова, и его глаза-полумесяцы лукаво сощурились:

— Если я вам интересен — так и скажите. Зачем эти намеки про кровать?

С этими словами юноша медленно поднял колено и принялся дразняще тереться им о бедро Ши Цина.

— Если пожелаете, я готов на всё. И в любом месте.

Ши Цин: «...»

«Он действительно умеет соблазнять. У меня кровь закипает. Seriously, если бы не риск разрушить образ, я бы прямо сейчас прижал этого наглеца к матрасу и заставил молить о пощаде»

Система: «Спокойнее, хозяин. Помните о приличиях».

Ши Цин сохранил ледяное выражение лица и, подавив глубокое сожаление, оттолкнул юношу. Цзин Юаньци, поддавшись движению, откинулся в сторону, но его колено всё еще оставалось на месте, продолжая свою дразнящую игру.

Он подпер голову рукой и с вызовом посмотрел на Ши Цина:

— К чему эта жестокость? Вы ведь ко мне небезразличны, я это знаю.

Ши Цин заставил себя сохранять бесстрашие:

«Я сейчас его просто...»

«Тихо! Хозяин, держите себя в руках!!!»

Пока Цзин Юаньци старательно источал обаяние, в дверь снова постучали. Цуй Юньцин, окончательно привыкший к ночным визитам, пошел открывать без лишних раздумий.

— Режиссёр Ма?

Он с изумлением уставился на лысоватого, пузатого мужчину средних лет. Что за день такой? Сначала Киноимператор, потом звезда экрана, теперь вот сам режиссёр пожаловал.

— Сяо Цуй, у тебя ведь завтра съемки? Тут в сценарий внесли правки, я принес тебе ознакомиться.

Толстяк, распространяя вокруг себя густой запах алкоголя, вошел в номер и предусмотрительно запер за собой дверь. Помощник режиссёра по фамилии Ма, несмотря на наличие жены и детей, был известен своими грязными делишками с новичками.

Он давно положил глаз на Цуй Юньцина, но до сих пор не решался на активные действия. Мальчишка хоть и казался наивным дурачком, но его наставник имел определенный вес в индустрии. Ма-фудао боялся, что если что-то пойдет не так, он вместо удовольствия получит кучу проблем.

Но сегодня алкоголь придал ему храбрости. Вспомнив про заветный пузырек с препаратом, который он уже несколько дней носил в кармане, режиссёр почувствовал, как в груди разгорается предвкушение. В конце концов, это всего лишь мальчишка. Даже если он будет против, пара компрометирующих снимков быстро заставит его замолчать. Сколько таких молодых дарований съели свою обиду вместе с грязью? Им нужна слава, им нужно лицо. Если фото всплывут — их карьере конец.

Одурманенный хмелем и похотью, Ма-фудао решил не идти к себе, а заглянуть к Цуй Юньцину. Из-за перегородки он не увидел, что в номере кто-то есть, и, заперев дверь, решил, что добыча в его руках. Режиссёр обернулся и протянул свои липкие руки к мальчику.

— Сяо Цуй, а правки только у меня или у учителя Ши тоже? Если учитель Ши...

Парень уже собирался сказать, что Ши Цин находится прямо здесь, но Ма-фудао перебил его, схватив за руку.

— Сяо Цуй, ты талантливый парень. Если у тебя будет хороший покровитель... успех и слава не заставят себя ждать.

Поначалу мальчишка не понял намека, ведь он был мужчиной и привык думать, что домогательствам подвергаются только женщины. Но когда режиссёр начал грубо толкать его на диван, а его руки стали творить непотребства, Цуй Юньцин всё осознал.

— Ма-фудао! Что вы делаете?!

Его кожа покрылась мурашками от отвращения. Он попытался вырваться, но толстяк перехватил его и швырнул на диван.

— Сяо Цуй, ты мне правда нравишься. Я ведь тоже приложил руку к тому, чтобы тебя оставили в проекте. Будь умницей, слушайся меня, и я тебя не обижу...

— Режиссёр, вы пьяны! Я мужчина! Отпустите меня!!

Но Ма-фудао и не думал останавливаться. У него был богатый опыт в подобных делах. В несколько движений он прижал Цуй Юньцина к полу и полез в карман за препаратом.

И тут он почувствовал неладное. Словно по спине пробежал ледяной сквозняк.

Режиссёр инстинктивно обернулся... и встретился взглядом с двумя парами глаз.

Ши Цин и Цзин Юаньци стояли прямо за ним, молча наблюдая за этой сценой.

— А-а-а-а!!!

От неожиданности толстяк свалился с Цуй Юньцина. Мальчишка, бледный как полотно, мгновенно вскочил с пола и спрятался за спинами своих защитников.

Пока он пытался прийти в себя, до него донесся холодный голос Ши Цина:

— Теперь-то ты понял, почему стоило бояться? Прежде чем идти в проект, нужно наводить справки о том, что за отребье здесь работает.

Наивный Цуй Юньцин широко открыл глаза:

— Учитель Ши, так вы пытались лишить меня роли из-за него?

— Хм.

Ши Цин с нескрываемым отвращением посмотрел на ползающего по полу Ма-фудао:

— Он нацелился на тебя уже давно.

Обвиненный во всех смертных грехах режиссёр опешил. Хотя он и планировал подобные вещи с другими, на Цуй Юньцина он покусился впервые.

Ма-фудао попытался подняться:

— Не несите чепухи! Я и не думал...

Мрачный Киноимператор молча и жестко наступил ногой на то самое место, которым режиссёр собирался совершить свое злодеяние.

— Мразь.

— А-а-а-у-у-у!!!

Боль оказалась невыносимой. Ма-фудао замолк, корчась на полу и зажимая пострадавшее место руками.

Стоящий рядом Цзин Юаньци прищурился:

— Так значит, ты и мне мешал попасть в группу из-за него?

[Дзинь! Уровень отторжения Цзин Юаньци: 78/100]

При мысли об этом он ощутил странную смесь чувств: с одной стороны — торжество от того, что Ши Цин оказался благородным человеком, с другой — легкое разочарование. Оказалось, Киноимператор строил ему козни вовсе не из-за личного интереса к его персоне.

— Это клевета!!! — взвыл Ма-фудао, найдя в себе силы приподняться. Он не был самоубийцей, чтобы покушаться на тех, за чьей спиной стоят серьезные покровители. У Цзин Юаньци было как минимум пять влиятельных защитников — только сумасшедший стал бы его помогать.

Он задрожал, пытаясь оправдаться:

— Я бы никогда... А-а-а-а-у-у-у!!!!

Угрюмый Киноимператор снова приложил усилие:

— Говори правду.

— Но я не... А-а-а-х!!!

Ши Цин не убирал ногу, его голос оставался кристально холодным:

— Хотел или нет?

— Вы хотите выбить из меня признание... А-а-а-а!!!

— Хотел или нет?

Ма-фудао задрожал всем телом. До него наконец дошло: если он не признается, о счастливой мужской жизни можно забыть навсегда.

Обливаясь потом и слезами, он отчаянно закивал:

— Да!! Да!!! Хотел!!! Простите, простите меня, я больше не буду, у-у-у-у!!!

Когда плачет красивый мужчина — это эстетично. Когда рыдает лысый, жирный и мерзкий старик — это зрелище не для слабонервных.

Ши Цин убрал ногу.

— Мне твои извинения не нужны.

Ма-фудао, размазывая по лицу слезы и сопли, трясущейся рукой указал в сторону. В его душе бушевала несправедливость, он был готов молить небеса о чуде, лишь бы доказать, что никогда не помышлял о Цзин Юаньци.

Но сейчас, под угрозой окончательного увечья, он был вынужден проглотить обиду и боль.

Захлебываясь рыданиями, он обратился к Цзин Юаньци:

— Про... прости меня...

Он завыл в голос:

— Я хотел тебя соблазнить, у-у-у-у-у-у!!!

<http://bllate.org/book/15834/1435976>